

«За какую нить клубка ни потяни...»: методология С.Ю. Неклюдова в фольклористике

Никита В. Петров

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия;*

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, petrov-nv@raperu.ru*

Аннотация. Статья посвящена систематической реконструкции методологических принципов С.Ю. Неклюдова как целостной научной программы. Несмотря на широкое признание его работ, в истории отечественной фольклористики отсутствует целостное изложение его подхода. Анализируются три ключевых аспекта неклюдовской методологии: (1) структурно-семиотический подход, где фольклор рассматривается как текст, пронизанный разнородными семантическими связями, требующий синтеза синхронического и диахронического анализа; (2) теория мотива как содержательной единицы парадигматического плана традиции, выступающей одновременно элементом сюжета и механизмом текстопорождения; (3) концепция авантекста и монтажа, согласно которой устный текст не извлекается из памяти в готовом виде, а порождается рекомбинацией предтекстовых элементов разного уровня. Мотив у Неклюдова – это узловая точка памяти традиции, конденсирующая когнитивные схемы, семиотические инварианты и текстовые реализации одновременно на трех уровнях (исполнение, жанр, архетип). Такое понимание обеспечивает продуктивность метода как для архаических мифологических систем, так и для современного фольклора и постфольклора. Проводится сопоставление позиции С.Ю. Неклюдова с классическими направлениями фольклористики (В.Я. Пропп, А. Дандес, Ю.Е. Березкин) и англоязычными подходами к жанру, интертекстуальности и традиции (Р. Бауман, Ч. Бриггс, Д. Нойес). Демонстрируется, как понимание традиции в качестве живого коммуникативного процесса преодолевает разделение между историческим и формальным анализом, открывая новые перспективы для современных исследований культурной памяти.

Ключевые слова: фольклористика, семиотика фольклора, авантекст, мотив, культурная память, устная традиция, текстопорождение, интертекстуальность, жанр, С.Ю. Неклюдов

Дата поступления статьи: 14 октября 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 17 ноября 2025 г.

Дата публикации: 26 марта 2026 г.

Для цитирования: Петров Н.В. «За какую нить клубка ни потяни...»: методология С.Ю. Неклюдова в фольклористике // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2026. Т. 9. № 1. С. 15–40. DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-1-15-40

“Unraveling the tangle”: Neklyudov’s methodology in folklore studies

Nikita V. Petrov

*Presidential Academy, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, petrov-nv@ranepa.ru*

Abstract. This article presents a systematic reconstruction of the methodological principles underpinning Sergei Yu. Neklyudov’s approach as a coherent scholarly programme. Despite the widespread recognition of his work, Russian folklore studies has lacked a comprehensive exposition of his theoretical framework. The article examines three key dimensions of Neklyudov’s methodology: (1) the structural-semiotic approach, which conceptualises folklore as a text permeated by heterogeneous semantic relations, requiring a synthesis of synchronic and diachronic analysis; (2) the theory of the motif as a semantic unit within the paradigmatic dimension of tradition, functioning simultaneously as a narrative element and a mechanism of text generation; (3) the concept of the pre-text (avanttexte) and montage, according to which oral texts are not extracted from memory in ready-made form but rather generated through the recombination of pre-textual elements operating at different levels. For Neklyudov, the motif constitutes a nodal point within the memory of tradition, condensing cognitive schemas, semiotic invariants, and textual realisations simultaneously across three operational levels: performance, genre, and archetype. This understanding renders the method productive both for the analysis of archaic mythological systems and for the study of contemporary folklore and post-folklore phenomena. The article positions Neklyudov’s approach in relation to classical directions in folklore studies (V. Propp, A. Dundes, Yu. Berezkin) and to anglophone scholarship

on genre, intertextuality, and tradition (R. Bauman, Ch. Briggs, D. Noyes). It demonstrates how understanding tradition as a living communicative process transcends the division between historical and formal analysis, thereby opening new perspectives for contemporary research into cultural memory.

Keywords: folklore studies, semiotics of folklore, pre-text, motif, cultural memory, oral tradition, text generation, intertextuality, genre, S.Yu. Neklyudov

Received: October 14, 2025

Approved after reviewing: November 17, 2025

Date of publication: March 26, 2026

For citation: Petrov, N.V. (2026), “ ‘Unraveling the tangle’: Neklyudov’s methodology in folklore studies”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 9, no. 1, pp. 15–40, DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-1-15-40

Введение

Сергей Юрьевич Неклюдов принадлежит к числу исследователей, чьи работы определили облик современной теоретической фольклористики в России и за ее пределами. Ученик Е.М. Мелетинского, участник Летних школ по вторичным моделирующим системам в Тарту, он соединил в своем творчестве традиции московско-тартуской семиотической школы с полевыми исследованиями фольклорно-мифологических традиций Центральной Азии. Результатом этого синтеза стала оригинальная методология анализа устных традиций, обладающая значительным эвристическим потенциалом. Научная биография Неклюдова, насчитывающая более шести десятилетий активной работы, охватывает несколько предметных областей: структурный анализ волшебной сказки, изучение героического эпоса монгольских народов, исследование демонологических традиций, теорию устной коммуникации и современный городской фольклор¹. Однако за этим тематическим многообразием прослеживается единая концептуальная рамка, определяющая специфику его научного подхода. Цель данной работы – реконструировать методологические принципы Неклюдова как целостную научную программу, проанализировать ее отношение к ключевым направлениям фольклористики.

¹ См. актуальную на начало 2026 г. библиографию работ и выступлений С.Ю. Неклюдова: Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: https://ctsf.ru/sites/default/files/2025-12/Neklyudov_Biobibl.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

Подобный анализ представляется актуальным по нескольким причинам. Во-первых, несмотря на широкое признание работ Неклюдова, систематическое изложение его методологии остается лакуной в истории отечественной фольклористики. Во-вторых, сопоставление российской структурно-семиотической традиции с англоязычными подходами к изучению традиции, памяти жанра и культурной памяти группы позволяет выявить как точки конвергенции, так и неиспользованные возможности междисциплинарного диалога.

*Структурно-семиотический подход
и разматывание клубка семантических связей*

Формирование научной позиции Неклюдова происходило в интеллектуальном пространстве московско-тартуской семиотической школы – одного из наиболее продуктивных гуманитарных направлений советского периода. Участие в Летних школах по вторичным моделирующим системам (с 1966 г.) определило базовые координаты его исследовательской программы: понимание культуры как знаковой системы, внимание к структурным инвариантам, интерес к бинарным оппозициям как организующим принципам мифологического мышления. Вместе с тем позиция Неклюдова в рамках этого направления обладала определенной спецификой: если для многих участников семиотического движения фольклор выступал прежде всего материалом для верификации общих семиотических моделей, то для Сергея Юрьевича он являлся самостоятельным предметом исследования, требующим разработки специальных методов анализа. В статье «О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре» (1977) он подчеркивал, что народная словесность не только не знает областей совершенно изолированных, но, напротив, насквозь пронизана «теснейшими связями самого разного типа – благодаря известной однородности, клишированности и стереотипности, а также непрерывности своего развития при традиционном сохранении элементов прежних систем. За какую нить клубка ни потяни – всегда доберешься до его середины» [Неклюдов 1977, с. 192]. Установка на выявление специфики фольклорной знаковости привела к формулированию ряда положений, отличающих подход Неклюдова от более формализованных версий структурного анализа. Прежде всего, он настаивает на необходимости учитывать содержательную сторону фольклорных текстов наряду с их формальной организацией [Неклюдов 1984]. Другая важная черта – внимание к диахронической перспективе. В отличие

от «классического» синхронного структурализма, ориентированного на описание системы в ее статическом состоянии, неклюдовская линия структурно-семиотического анализа исходит из необходимости совмещать синтагматический и парадигматический, синхронический и диахронический уровни рассмотрения фольклорного текста. Коллективный проект «Структура волшебной сказки», реализованный Е.М. Мелетинским, С.Ю. Неклюдовым, Е.С. Новик и Д.М. Сегалом, был нацелен не только на уточнение морфологической схемы В.Я. Проппа, но на построение полноценной модели сюжета, в которой линейная последовательность функций соотносится с иерархией бинарных блоков, системой семантических оппозиций и исторически изменчивыми типами испытаний и ценностей [Мелетинский и др. 2001]. Открытием группы стало показанное ими в этой работе единство композиционной структуры и глубинной семантики волшебной сказки, а также принципиальная возможность описывать ее развитие во времени с помощью строгих структурных параметров. Исследование, положившее основу структурно-семантической модели волшебной сказки и продемонстрировавшее, как инвариантная схема сюжета реализуется в разных исторических и культурных контекстах, было отмечено международной премией Питре за лучшую работу по фольклористике (1971).

Трудноуловимый мотив

Центральное место в методологии Неклюдова занимает концепция мотива – категории, которую он разрабатывал на протяжении нескольких десятилетий. В статье «Мотив и текст» исследователь определяет мотив как один «из наиболее сложных для изучения предметов филологического исследования», мотив «трудноуловим и трудноопределим» [Неклюдов 2004, с. 236]. Эта трудноопределимость, однако, не означает, что от понятия мотива следует отказаться; напротив, именно рефлексия над природой мотива позволяет выявить фундаментальные особенности фольклорного текстопорождения.

Неклюдов различает синтагматическое и парадигматическое измерения мотива. В синтагматическом плане мотив выступает как элемент сюжета, занимающий определенное место в последовательности повествования. Однако более существенным для понимания природы мотива является его парадигматический аспект, который Неклюдов определяет через категорию содержания: «Если сюжет следует считать прежде всего формальной категорией, то мотив является категорией содержательной (кстати,

именно в силу этого мотив может быть переведен с языка на язык). Соответственно, основу мотивного фонда составляет набор семантических универсалий (какими бы причинами – психофизиологическими, социальными, культурными – эта универсальность ни была обусловлена)» [Неклюдов 2004, с. 241].

Универсальность мотивов ведет Неклюдова к аналогии с биологией. Точно как живые клетки воссоздают определенную структуру благодаря содержащейся в них генетической информации, элементарные единицы, из которых строятся мотивы (называемые семами), включают в себе сложные программы, кодируемые в традиции. Неклюдов предполагает, что подобные программы строятся из логико-семантических импликаций, способных связывать семя в элементарные пары, а затем в цепочки, составляющие структурную основу мотива [Неклюдов 1984; Неклюдов 2011]. Сюжет организуется по синтагматическим законам, определяющим возможные последовательности элементов; мотив же принадлежит к парадигматическому «словарю» традиции, из которого рассказчик черпает материал для построения конкретных повествований. Из этого различия следует центральное положение Неклюдова: фольклорный текст не воспроизводится сказителем как фиксированная вербальная единица, а конструируется в момент исполнения на основе системы «предтекстовых» («авантекстовых») элементов разного уровня [Неклюдов 2003]. Следовательно, авантекст [Неклюдов 2001] следует понимать как фундаментальную парадигму, из которой в момент исполнения генерируется актуальный текст (вариант) произведения.

Идея «монтажа» напрямую связывает теорию мотива Неклюдова с его более общей концепцией «знания традиции». В статье «Семантика фольклорного текста и “знание традиции”» он подчеркивает, что фольклорная коммуникация опирается на сложный комплекс предварительных, не проговариваемых знаний («предзнаний»), без которых текст не может быть правильно интерпретирован. «Знание традиции невозможно свести к “коллекции текстов”. Оно включает в себе и нечто большее, и нечто структурно иное. Во-первых, это не только “знание говорящего”, но и во много раз превосходящее его “знание слушающего” <...> Во-вторых, сюда относится культурно-языковая картина мира и мифопоэтическая модель мира определенного жанра» [Неклюдов 2005]². Это

² См. про это знание в аннотации к одной из статей С.Ю. Неклюдова: «Элементарные семантические единицы (семя), из которых строятся мотивы, не только способны непосредственно реализовывать имеющиеся у них смысловые “валентности”, составляя элементарные семантические пары, но также могут связываться в цепочки и в многомерные сетевые

«большее» включает схемы сюжетных ситуаций, устойчивые тематические поля, жанровые ожидания, а также мотивы как содержательные единицы повествования. Тем самым мотив оказывается не только элементом сюжета, но и формой организации того коллективного знания, которое обеспечивает воспроизводимость традиции.

Связывая мотив с понятием «знание традиции», Неклюдов фактически переводит проблему мотива из плоскости чисто текстологической в когнитивно-антропологическую. Не случайно он опирается на идеи Тёна ван Дейка и Уильяма Кинтча о макроструктурах и суперструктурах текста³: персонажи, типовые действия и ситуации образуют иерархические макроструктуры, тогда как жанровые модели и стилистические формы составляют суперструктуру; единицей линейного членения здесь выступает пропозиция, а обобщающее содержание эпизода – макропропозиция [Неклюдов 2005, с. 38–40]. В таком контексте мотив можно рассматривать как «микро-макроструктуру»: одноактный микросюжет с устойчивой предикатно-актантной конфигурацией, который при каждом исполнении актуализируется и разворачивается в более протяженный текст.

Е.М. Мелетинский определял мотив как «одноактный микросюжет, основой которого является действие – предикат, от которого зависят аргументы-актанты (агенс, пациенс и т. д.)», так что «классы мотивов предстанут в виде таблицы предикатов и аргументов», где отдельный мотив занимает строку таблицы [Мелетинский 1983, с. 118]. Неклюдов развивает линию Мелетинского, настаивая, что семантическая структура мотива инвариантна по отношению к множеству текстовых реализаций, и потому мотивы в принципе интернациональны: одна и та же предикатно-актантная схема может воплощаться в разных языках, традициях и жанрах.

структуры; при этом они как бы “знают” о возможностях соединений следующих звеньев “цепочки”. Очевидно, именно подобные “семантические перспективы” являются важнейшим фактором сохранения программ, по которым работают текстопорождающие механизмы традиции» [Неклюдов 2011, с. 11].

³ Уолтер Кинтч (Walter Kintsch), американский когнитивный психолог и психолингвист, один из основоположников когнитивной психологии текста и теорий понимания дискурса. Его ключевая область работы – моделирование процессов понимания текста, памяти и построения «ментальных моделей» (situation models) при чтении. В паре с Тёном ван Дейком он разработал влиятельную модель макроструктур и суперструктур текста как когнитивных репрезентаций глобального содержания и схем организации дискурса, см.: [Van Dijk, Kintsch 1983].

С другой стороны, Неклюдов сознательно вписывает понимание мотива в отечественную традицию, идущую от А.Н. Веселовского через В.Я. Проппа к Б.Н. Путилову (см. детальный обзор концепции мотива в отечественном литературоведении [Силантьев 1999]). Веселовский понимал под сюжетом «комплекс мотивов», и уже у него намечается представление о мотиве как «первичном», а сюжете – как «вторичном» образовании, результате соединения мотивов [Пропп 1928, с. 21–22]. Пропп, вводя вместо мотива категорию функции как «действия персонажа, определенного с точки зрения его значимости для хода действия» [Пропп 1928, с. 25], временно вытесняет мотив из центра анализа. Показательно, что Неклюдов переопределяет мотив в духе структурной семантики и типологической фольклористики. Отталкиваясь от работ А. Дандеса, он принимает различие между мотивом как обобщенной тематической конфигурацией и функцией (мотифемой) как элементом синтагматической цепи; конкретная реализация мотива в тексте, по Дандесу, есть алломотив [Dundes 1962]. Похожа позиция Б.Н. Путилова, который сравнил мотив со словом, одновременно присутствующим в «языке» и в «речи» эпической традиции, а функцию – с членом предложения [Путилов 1975]. Неклюдов, развивая эту аналогию, утверждает: «фонд мотивов – это “словарь” традиции», тогда как функции и сюжетные развертки соотносятся с синтаксисом: мотив – «данность фольклорного произведения», та содержательная единица, «которой оперирует сама устная традиция» [Неклюдов 2004, с. 241].

Здесь неклюдовская концепция вступает в прямой диалог с западной традицией изучения мотива. Уже в начале статьи «Мотив и текст» он напоминает, что серьезное изучение мотива началось именно в рамках фольклористики (А.Н. Веселовский), и подчеркивает, что тот же исторический опыт стоит за грандиозным *Motif-Index of Folk-Literature* С. Томпсона, построенным как универсальный каталог мотивов мировой традиции⁴. Однако, в отличие от преимущественно таксономической установки Томпсона, для которого мотив – классификационная единица указателя, Неклюдов интересуется прежде всего текстопорождающей ролью мотива. Для него мотив – и единица описания, и операция, с помощью которой компоненты картины мира переводятся в высказывание, а сюжетная ситуация – в сюжет; позднейшая российская литература о мотиве справедливо подхватывает этот тезис, определяя мотив как «мыслительную операцию» и как «главный

⁴ *Thompson S. Motif-index of folk-literature. Vol. 1–6. Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958.*

семантический потенциал при создании текста» (см., например: [Фольклорный мотив 2021]).

Именно поэтому проблема мотива в концептуальной логике Сергея Юрьевича неотделима от проблемы «предтекста» и механизмов памяти традиции. В статье «Специфика слова и текста в устной традиции» он настаивает, что «в подавляющем большинстве случаев фольклорные тексты не хранятся памятью сказителя в заученном виде... не извлекаются из нее готовыми, а монтируются при своем изложении из “предтекстовых” (“авантекстовых”) элементов разного уровня» [Неклюдов 2003, с. 108]: клишированных формул, устойчивых описаний, «общих мест», типовых эпизодов и мотивных комплексов.

В более поздних теоретических текстах Неклюдова эта идея уточняется через разведение «памяти исполнителя», «памяти текста» и «памяти традиции». «Память традиции» включает не только набор реально существующих текстов, но и их структурные конфигурации: макроструктуры сюжетных ситуаций, парадигмы персонажных ролей, устойчивые мотивы, которые могут вовсе не быть эксплицированы в данном конкретном высказывании, но тем не менее управляют его порождением [Неклюдов 2005; Неклюдов 2016]. Так мотив становится одним из наиболее наглядных «следов» памяти традиции: он конденсирует в себе как минимум три уровня – когнитивный (схема ситуации), семиотический (инвариантная предикатно-актантная структура) и текстовый (набор возможных формул и эпизодов).

Отсюда вытекает еще один принципиальный момент неклюдовской теории: мотив может рассматриваться как «эмбриональная форма» сюжета, способная к «пульсации» между более сжатым и более развернутым состоянием [Неклюдов 2004, с. 240–241]⁵.

Наконец, сопоставление неклюдовской концепции с классическими типологическими и морфологическими моделями – от Проппа до Дандеса и Томпсона – позволяет точнее обозначить ее место в современной фольклористике. В отличие от «морфологии» Проппа, сосредоточенной на последовательности функций,

⁵ Здесь его концепция сближается с представлением Е.М. Мелетинского об «архетипических мотивах» – микросюжетах, восходящих к архаическим мифотворческим комплексам и обладающих собственными глубинными смыслами [Мелетинский 1994]. Если у Мелетинского акцент сделан на историко-мифологических корнях мотива, то Неклюдов добавляет к этому операциональный и коммуникативный ракурс: важен не только источник мотива, но и то, как именно он включается в текстополющающие процедуры, обеспечивая одновременно узнаваемость и вариативность повествования.

и от мотивных указателей Томпсона, фиксирующих уже сложившийся инвентарь мотивов, Неклюдов интересуется прежде всего тем, как мотивы функционируют в живой устной традиции: как единицы памяти, как операции семантического конструирования, как «вертикальные» структуры, пронизывающие линейный текст.

Важным вкладом Неклюдова в теорию мотива является введение понятия «мотивного комплекса» – устойчивой конфигурации взаимосвязанных мотивов, образующих «ядро» определенного сюжетного типа. На материале славянских демонологических рассказов он показывает, как такой комплекс может быть разложен на составляющие элементы и как различные элементы могут комбинироваться в конкретных текстовых реализациях [Неклюдов 2004, с. 239–241]. Мотивный комплекс не просто суммирует отдельные мотивы, но задает структуру их взаимных отношений: одни элементы являются «ядерными» и обязательными, другие – факультативными и детализирующими.

Принципиально иной подход к мотиву представляют работы Ю.Е. Березкина, для которого мотив выступает инструментом исторической реконструкции миграций и контактов народов. Березкин создает аналитический каталог тысяч фольклорных мотивов и, анализируя их ареальное распространение, прослеживает пути заселения континентов и культурные связи в масштабе тысячелетий [Березкин 2007; Березкин 2015; Березкин 2019; Березкин 2024]. Для Березкина мотив – это прежде всего маркер исторических процессов, «кирпичик», стабильный во времени элемент, который можно нанести на карту и проследить его географическое распространение.

Березкин программно отказывается от структурно-семантического анализа, столь существенного для Неклюдова: «Мы не обсуждаем семантику фольклорных мотивов и полагаем, что значения вещей (в дюркгеймовском смысле) специфичны для конкретных коллективов, а проецировать их на культуры, о мировоззрении и мироощущении носителей которых информация отсутствует, рискованно. <...> Образов, потенциально пригодных для обозначения подобной границы, неопределенно много, а значит, выбор именно данного определяется традицией. Прослеживанием такого рода традиций мы как раз и занимаемся» [Березкин 2024, с. 108].

Различие подходов отражает фундаментальное расхождение в понимании задач науки о фольклоре. Неклюдов работает в русле структурно-семиотической традиции, где мотив – категория прежде всего функционально-семантическая, элемент «словаря традиции», через который передается и воспроизводится коллективное «знание традиции». Березкин же опирается на историко-сравни-

тельный метод, для него мотив – категория эмпирико-географическая, единица ареального распределения, позволяющая реконструировать древнейшие пути передачи культурной информации. Как формулирует различие сам Неклюдов, российская фольклористика всегда осознавала себя как дисциплина «преимущественно историческая», где в центре внимания находится «движение устных традиций во времени и их происхождение», однако ее своеобразие обусловлено именно «сочетанием диахронического (историко-генетического, стадийного) и синхронического (формального, структурно-типологического) аспектов анализа» [Неклюдов 1999].

Анализ Неклюдова оказывается продуктивным как для изучения архаических мифопоэтических систем, так и для исследования современных форм фольклора и постфольклора, где те же «мотивные комплексы» продолжают работать в новых медиа и социальных контекстах [Неклюдов 1995; Неклюдов 2024]. Мотив у Неклюдова – и содержательная единица, циркулирующая в пространстве и времени, а кроме того, и механизм порождения и воспроизводства текста, форма организации того глубинного семантического знания, которое обеспечивает непрерывность традиции даже при радикальной смене ее внешних форм.

Модели текстопорождения в устной традиции

Теория текстопорождения представляет собой, возможно, наиболее оригинальный вклад Неклюдова в фольклористику. В серии работ начиная с 1990-х гг. он разрабатывает концепцию устного текста как особого типа коммуникативного события, принципиально отличного от письменного текста как по способу существования, так и по механизмам производства и рецепции. Фундаментальное положение этой концепции состоит в аксиоматическом для фольклористики высказывании, что устный текст «осуществляется только здесь и сейчас; его реальность – лишь в процессе произнесения; пока он не звучит, он в известном смысле и не существует» [Неклюдов 2003, с. 108]. Такое утверждение, с одной стороны, фиксирует очевидный факт акустической природы устной речи, с другой – указывает на глубокое различие в онтологическом статусе устного и письменного текстов. Письменный текст может быть «отложен» и воспроизведен в другое время и в другом месте без изменений, а устный текст каждый раз создается заново, хотя и на основе усвоенных ранее моделей.

Неклюдов выделяет две основные формы устного текстопорождения: (1) воспроизведение «исходного» текста («образца»),

которое практически никогда не является точным копированием, а представляет собой рекомбинацию содержательных и формальных элементов предшествующей манифестации; (2) «сборка» текста по устойчивым матрицам при отсутствии конкретного образца – в таком случае ячейки матрицы заполняются «уместными семантическими элементами, предоставляемыми данной культурой»⁶.

Концепция имеет важные следствия для понимания природы фольклорной вариативности. Вариативность оказывается не «порчей» некоего изначального текста, а конституирующим признаком устной традиции, без которого она не могла бы функционировать. Вместе с тем вариативность ограничена: она допускается в определенных пределах, определяемых структурой жанра, требованиями контекста и компетентностью исполнителя. Исследователь говорит о «структурированности» фольклорных текстов, которая «обеспечивает особые (а до появления письменности – единственно возможные) способы их трансмиссии, что позволяет хранить и актуализировать культурную память данного сообщества» [Неклюдов 2003, с. 108].

Отсюда следует принципиально важная методологическая установка Неклюдова относительно реконструкции палеофольклора – гипотетически существовавших устных произведений, которые лежат в основе письменных памятников древности и Средневековья [Неклюдов 2017]. Анализируя древнеегипетские, древнерусские, средневековые арабские тексты, исследователь последовательно исходит из того, что «никакие фольклорные тексты минувших эпох (устные в точном смысле этого слова) до нас

⁶ См. формулировку С.Ю. Неклюдова в аннотации доклада «О текстопорождающих моделях в устной традиции». URL: <https://iocs.hse.ru/mirror/pubs/share/224124645> (дата обращения: 10.10.2025) и тезисы доклада 2022 г. (см.: Неклюдов С.Ю. Жанр как текстопорождающая модель в устной традиции // Лингвистический форум 2022: Традиционные речевые формы и практики: тезисы докладов Международной конференции (Москва, 17–19 ноября 2022 г.) / Ин-т языкознания РАН; под ред. А.А. Кибрика, В.Ю. Гусева, Т.И. Давидюк, А.В. Сидельцева. М.: Ин-т языкознания РАН, 2022. С. 8–9). Близкую, но принципиально иную теоретическую рамку для понимания порождения фольклорного текста предлагает А.В. Панюков в своей концепции «самосборки сюжета». Используя метафору супрамолекулярной химии, где молекулы самопроизвольно соединяются в сложные структуры («самосборка снизу вверх»), Панюков показывает, как минимальные семантические единицы (ассоциативные связки, образы, мотивы-действия) комплементарно взаимодополняются, формируя цельный сюжет по законам ассоциативно-смысловой логики [Панюков 2011; Панюков 2016].

дойти не могли» [Неклюдов 2006а, с. 287–295]. Именно такой подход Неклюдов применяет в развернутой работе «Обречен ли царевич? О сюжетной реконструкции фрагментарных памятников традиционной словесности», где детально анализирует древнеегипетскую сказку XIII в. до н. э. Сопоставляя ее с калмыцкими, монгольскими, казахскими сказками и эпосами, записанными в XIX–XX вв., исследователь показывает, как «осколки» древних повествовательных структур сохраняются в живых традициях и как через эти типологические параллели можно прояснить темные места в повествовании и восстановить смысловые лакуны фрагментарно сохранившихся древних текстов [Неклюдов 2020]. Фольклорный мотив при этом выступает как устойчивая единица «памяти традиции», способная преодолевать тысячелетия и культурные границы благодаря укорененности в универсальных семантических структурах.

Предтекстовые элементы и монтажные приемы

Фольклорный текст «монтируется из “предтекстовых” (“авантекстовых”) элементов разного уровня» [Неклюдов 2003]. Что входит в состав авантекста? Это совокупность семантических универсалий, мотивных комплексов, устойчивых сюжетных схем и формульных блоков, которые Неклюдов обозначает как элементы парадигматического плана традиции [Неклюдов 2005]. Исполнитель не учит текст наизусть, а интериоризирует эту парадигму – систему правил комбинирования элементов, ее семантические и синтаксические закономерности. В момент рассказывания эти потенциальные элементы актуализируются через монтажные приемы: выбор конкретных мотивов, их расстановка в последовательности, выбор вариантов реализаций (алломотивов), введение контаминаций и авторских дополнений [Неклюдов 2004].

Результат монтажа – уникальный текст, который одновременно глубоко типичен (он строится из традиционных элементов и по традиционным правилам) и оригинален (каждая конкретная комбинация элементов неповторима). Именно это позволяет фольклорной традиции оставаться живой и адаптивной, способной воспроизводиться бесконечно, изменяясь при этом с каждым актом исполнения [Неклюдов 2011].

В свете теории монтажа принципиально важным оказывается исследование взаимодействия устной и письменной культур. Неклюдов решительно отвергает эволюционистскую схему, согласно которой устная традиция представляет собой архаическую стадию, преодолеваемую с появлением письменности.

Напротив, он показывает, что устная и книжная культуры могут сосуществовать на протяжении длительных исторических периодов, вступая в сложные отношения взаимовлияния, конкуренции и взаимной адаптации. Устное и письменное – разные модусы культурной коммуникации, каждый из которых обладает своими преимуществами и ограничениями. Особый интерес представляет анализ Неклюдовым переходных форм – текстов, мигрирующих из устной традиции в книжную и обратно. На монгольском материале он демонстрирует, как эпическое сказание может существовать параллельно в фольклорном и литературном бытовании, причем книжная версия не вытесняет устную, а сосуществует с ней, создавая поле взаимного влияния. «Тексты переходят из одной традиции в другую неоднократно, пересекая при этом еще иногда и границы этноязыковые» [Неклюдов 2006b]. В современную эпоху эта проблематика приобретает новое измерение в связи с феноменом «постфольклора» [Неклюдов 1995] – новых форм устной культуры, возникающих в городской среде и функционирующих в условиях медиатизированной коммуникации.

Мифологическая картина мира и ее текстуальные реализации

Исследование мифологической картины мира – еще одна магистральная тема для Неклюдова. В отличие от многих исследователей мифологии, работающих преимущественно с реконструированными схемами, он последовательно фокусируется на текстуальных реализациях мифологических представлений, т. е. на том, как «картина мира» воплощается в конкретных нарративах, ритуальных формулах и повседневных практиках. Ключевым здесь является понятие «мифологической модели» – устойчивой конфигурации представлений, организующей восприятие и интерпретацию определенных аспектов реальности. В работе «Структура и функции мифа» Неклюдов подчеркивает: «Говоря о текстовой реализации мифа, мы должны помнить, что она является многоаспектной, мифологические сообщения передаются на разных уровнях традиции – вплоть до стилистики входящих в нее текстов, также содержащей немалое количество мифологической информации. Способ подобной кодировки прямо зависит от разновидности текстов культуры. Например, в традиционалистских обществах это будут произведения фольклора – религиозно-магического, обрядового, сказочно-эпического, лирического, паремиологического и т. д.; в культурах же более поздних мифологическую информацию можно обнаружить в весьма разнообраз-

разных текстах – от священных и художественных до научных и публицистических. В свою очередь, разновидность текста определяется его функциональным амплуа, тематическим обликом, формальной структурой» [Неклюдов 2000].

Мифологическое сознание не является исключительно достоянием «первобытных» культур, а составляет глубинный слой человеческой когниции, способный активироваться в любых культурных условиях: «Неправильно полагать, что массовое сознание (которое скорее должно бы называться “массовым подсознанием”) мифологизируется только в новейшее время – оно вообще мифологично по своей природе» [Неклюдов 2000, с. 35]. Ключевым механизмом здесь выступает перформативность мифологического текста: его исполнение есть не передача информации, а манифестация другой реальности» – актуализация сакрального в профанном пространстве: «Благодаря своей постоянной активности и неугасающей актуальности миф как бы постоянно присутствует “здесь” и “сейчас”. Можно представить себе, что для мифологического сознания существует некая “другая реальность”, которая способна актуализироваться в “нашем” пространстве и оказывать на повседневную жизнь человека ощутимое влияние». В архаике этот механизм тотален: для носителей традиции мифологические образы «словно бы непосредственно присутствуют» в качестве «воплощенных» – феномен, который В.Я. Пропп называл «вторым видением» [Неклюдов 2000, с. 18–20]. В «классическом» фольклоре он частично сохраняется (в заговорах, обрядах, эпосе), в современной культуре он прорывается в виде спонтанных воспроизведений архаических моделей – в городских легендах, слухах, эсхатологических нарративах и т. п. «Подобные структуры (мифологические модели) каким-то образом удерживаются культурой или присущи ей по определению» [Неклюдов 2011, с. 14]. «Чертежи», по которым складываются такие предания, «определенно не могут быть извлечены из текстов, непосредственно доступных носителям данных субкультур». Таким образом, «прорыв архаики» – структурное свойство человеческого текстопорождения, реализующее мифологические модели даже в условиях, когда сама мифология как таковая давно перестала быть частью рефлекслируемой традиции.

*Традиция, культурная память
и интертекстуальность:
вместо заключения*

Когда я слушаю доклады на конференциях или читаю статьи, опубликованные в отечественных научных журналах по фолькло-

ристике, то вижу, что исследователи при написании научных работ зачастую используют словосочетание «структурно-семиотический метод» как ритуальную формулу, механически отсылая к работам С.Ю. Неклюдова. Однако за этим выражением стоит глубокое понимание фольклора и его элементов (сюжетов и мотивов) как живой коммуникативной системы, которая рассыпана по статьям Сергея Юрьевича и которая детально описана выше. Это понимание смыкается с известными нам позициями как структуралистов и постструктуралистов, так и с разработками отечественных ученых. Так, если для Клода Леви-Стросса глубинная структура мифа была логической матрицей, призванной разрешать фундаментальные противоречия (жизнь/смерть, природа/культура) через систему бинарных оппозиций, которые он называл «пучками отношений» [Леви-Стросс 2001, с. 183–207], то Алан Дандес, развивая идеи морфологического анализа, настаивал на различении «мотифемы» (эмической единицы структуры) и «мотива» (этической единицы содержания). Дандес подчеркивал, что выявление синтагматической структуры – это лишь первый шаг, за которым должна следовать интерпретация смысла, часто скрытого в бессознательных паттернах культуры [Dundes 1987, р. 36]. Сходная, но самобытная логика прослеживается и в отечественной науке. Если, например, для Б.Н. Путилова (и здесь важно помнить различие их оптик) в центре внимания находилась глубинная семантика мотива – его ритуально-мифологическая память, «ген» сюжета, второй сюжетный план [Путилов 1971; Путилов 1975, с. 143], – то методика Сергея Юрьевича Неклюдова направлена на выявление механизмов порождения текста – того, что лежит «за» структурой. Именно из понимания, что текст есть лишь реализация скрытой ментальной матрицы (или, используя термин генетической критики, авантекста), и вытекает широта неклюдовской проблематики. И архаический эпос, и палеофольклор, и наивная литература, и современная городская песня рассматриваются им как продукты работы единой «машины традиции», но в разных режимах. В своих работах Сергей Юрьевич реконструирует правила, по которым культура запоминает, забывает и переизобретает смыслы.

Понимание традиции Сергеем Юрьевичем обретает особую значимость при ее сопоставлении с рамками, предложенными Дороты Нойес (автором «скромной теории фольклора» [Noyes 2016]) в программной статье о четырех традициях [Noyes 2009]. Работа Дороты Нойес представляет собой фундаментальную мета-теоретическую работу, цель которой проследить эволюцию «традиции» как ключевого концепта западной модерности. Она выделяет три основные парадигмы, через которые наука и общество осмысливали традицию.

1. Традиция как коммуникация: традиция рассматривается как процесс передачи информации. Идея эволюционирует от романтических идей «наследия» (братья Гримм) к диффузионизму (финская школа, географическое распространение) и функционализму (адаптация к среде). С 1960-х гг. акцент смещается на перформанс и микросоциологию (Дэн Бен-Амос, Ричард Бауман). Традиция стала пониматься как коммуникативный акт, варьирующийся в зависимости от контекста. Исследователи начали изучать слухи, городские легенды и то, как «традиционное» функционирует в новых медиа.

2. Традиция как темпоральная идеология, то, что противостоит современности. Нойес показывает, как социология (в частности, Макс Вебер) и философия Просвещения создали образ «традиционного общества» как иррационального, статичного и коллективистского, чтобы оттенить рациональность и прогрессивность модернистской эпохи. Важнейший момент вектора темпоральности – работа Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера про изобретение традиции. Они показали, что многие «древние» традиции на самом деле были сконструированы национальными государствами в XIX в. для легитимации власти.

3. Традиция как общее достояние группы. С этой точки зрения традиция становится объектом (материальным или символическим), которым владеет определенная группа; превращается в товар или ресурс, что проявляется в концепции наследия, туризме и спорах об интеллектуальной собственности; традиция становится маркером групповой идентичности («наша культура», «наши корни»). Нойес подчеркивает, что как только традиция овеществляется: превращается в книгу, сувенир, входит в список ЮНЕСКО, – она отчуждается от живого процесса и становится предметом юридических и идеологических дискуссий.

4. В заключение Нойес предлагает выйти за пределы трех парадигм и вернуться к этимологии латинского *traditio* (передача из рук в руки). Она формулирует рабочее определение для современных исследователей: «традиция – это передача ответственности за значимую практику или исполнение». Такое определение смещает акцент с власти или товара на этические отношения между людьми. Передающий «отпускает», а принимающий берет на себя обязательство сохранить и продолжить практику, но получает и свободу маневра для ее адаптации [Noyes 2009, pp. 233–258].

Взгляды Сергея Юрьевича на традицию органично вписываются в первый вектор, выделенный Нойес: традиция как живой коммуникативный процесс, где мотив оказывается генеративной единицей памяти, которая связывает индивидуальное исполнение с коллективными структурами. Однако подход Неклюдова

выходит за пределы классических разграничений Нойес. В его работах фольклорная традиция предстает и как форма культурной памяти [Неклюдов 2013] – в смысле, развиваемом в современных *memory studies*, например [Olick 1999; Olick et al. 2011], который говорит не о коллективной памяти, но о множестве памяти индивидов, обусловленных социальным контекстом, индивидуальным бэкграундом и жанрами, в которых эти памяти облекаются. Джеффри Олик не фольклорист, для его операционализации было бы полезно учитывать наработки Сергея Юрьевича, который отчетливо резюмирует в своих работах: память традиции оперирует комплексом неявных семантических структур, обеспечивающих как воспроизводимость, так и гибкость устной культуры; мотив выступает в качестве узловой точки памяти культуры: он конденсирует в себе когнитивные схемы, семантические инварианты и текстовые реализации, функционируя одновременно на трех уровнях – уровне вербального исполнения, уровне жанровых конвенций и уровне архетипических структур.

Позиционирование концепций Неклюдова в контексте мировой фольклористики требует и сопоставления с влиятельными направлениями англоязычной науки, в частности с подходом к изучению жанра и интертекстуальности, развиваемым Р. Бауманом и Ч. Бриггсом. Бауман и Бриггс критикуют традиционное понимание жанра как инструмента классификации текстов на основе их имманентных формальных признаков. По их мнению, жанровые различия локализованы не в самих текстах, а в практиках установления интертекстуальных связей: «Обобщенные различия расположены не в текстах, а в практиках, которые используют для создания интертекстуальных связей с другими дискурсивными полями» [Briggs, Bauman 1992, p. 163]. Жанр, таким образом, оказывается не свойством текста, а результатом деятельности по его производству и рецепции. Сходство с подходом Неклюдова здесь очевидно. Его настойчивое подчеркивание того, что фольклорный текст «монтируется» из предтекстовых элементов в процессе исполнения, резонирует с тезисом Баумана и Бриггса о конструктивном характере жанровой атрибуции. Оба подхода отвергают представление о жанре как о статичной «форме», существующей до и помимо конкретных коммуникативных событий.

Вместе с тем между двумя традициями существуют и значительные различия. Бауман и Бриггс делают акцент на «интертекстуальном зазоре» (*intertextual gap*) – неизбежном расхождении между конкретным текстом и его жанровой моделью. Этот зазор может минимизироваться или, напротив, максимизироваться в зависимости от коммуникативных стратегий участников

[Briggs, Bauman 1992, p. 156]⁷. Для американских исследователей критически важным является вопрос о том, кто контролирует процесс установления интертекстуальных связей и какие властные отношения при этом воспроизводятся. В работах Неклюдова проблематика власти не получает столь же эксплицитной разработки. Такое различие отражает разные исследовательские традиции и разные понимания задач фольклористики. Для тартуско-московской школы центральной была проблема «языка культуры»; для этнографии речи (ethnography of speaking), в русле которой работают Бауман и Бриггс, – проблема социальной обусловленности речевых практик. Предлагаемый Бауманом и Бриггсом анализ «стратегий манипулирования интертекстуальным зазором» может быть продуктивно интегрирован с неклюдовской теорией текстопорождения. Это позволило бы показать, как процесс «монтажа» текста из предтекстовых элементов регулируется как структурными закономерностями традиции, так и социальной позицией исполнителя, его отношениями с аудиторией, институциональным контекстом исполнения.

Благодарности

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgements

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme

⁷ Хорошие примеры минимизации зазора – воплощение того или иного текста в рамках ритуального перформанса / в шаманском ритуале / в форме эпоса. В этом случае акторы стремятся приблизить свое высказывание к жесткой жанровой модели («жанровая ортодоксия»), чтобы сделать его авторитетным и «прозрачным» – воплощением самой традиции. Максимизация зазора используется в пародиях или ироничных обыгрываниях канона, где говорящий намеренно подчеркивает дистанцию от жанрового образца, создавая комический эффект или выражая сопротивление нормам. Таким образом, скрывая зазор, рассказчик присваивает себе авторитет традиции или института, а выпячивая его – заявляет о своей индивидуальности или бунтует против установленных норм.

Литература

- Березкин 2007 – *Березкин Ю.Е.* Мифы заселяют Америку: Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М.: ОГИ, 2007. 358 с.
- Березкин 2015 – *Березкин Ю.Е.* Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или Где запад граничит с востоком // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 153–182.
- Березкин 2019 – *Березкин Ю.Е.* Возраст мотива и способы его определения // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 1. С. 17–45.
- Березкин 2024 – *Березкин Ю.Е.* Толкучие скалы: обзор данных и датировка образа // Антропологический форум. 2024. № 61. С. 106–140.
- Леви-Стросс 2001 – *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с. (Психология без границ)
- Мелетинский 1983 – *Мелетинский Е.М.* Семантическая организация мифологического повествования и проблема создания семиотического указателя мотивов и сюжетов // Труды по знаковым системам. 1983. Т. 16. № 635. С. 115–125.
- Мелетинский 1994 – *Мелетинский Е.М.* О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
- Мелетинский и др. 2001 – *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М.* Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. 234 с. (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика)
- Неклюдов 1977 – *Неклюдов С.Ю.* О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество / отв. ред. Ю.Я. Барабаш. М.: Наука, 1977. С. 193–228.
- Неклюдов 1984 – *Неклюдов С.Ю.* О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов / под ред. Б.Н. Путилова. Л.: Наука, 1984. С. 221–229.
- Неклюдов 1995 – *Неклюдов С.Ю.* После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
- Неклюдов 1999 – *Неклюдов С.Ю.* Российская фольклористика и структурно-семиотические исследования // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. материалов научно-практической конференции. Вып. 3 / отв. ред. А.С. Каргин; сост. В.Е. Добровольская. М.: ГРЦРФ, 1999. С. 54–62.
- Неклюдов 2000 – *Неклюдов С.Ю.* Структура и функция мифа // Мифы и мифология в современной России / под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюкова. М.: АИРО-XX, 2000. С. 17–38.

- Неклюдов 2001 – Неклюдов С.Ю. Авантекст в фольклорной традиции // Живая старина. 2001. № 4. С. 2–4.
- Неклюдов 2003 – Неклюдов С.Ю. Специфика слова и текста в устной традиции // Евразийское пространство: Звук, слово, образ / отв. ред. Вяч.Вс. Иванов. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 108–119. (Язык. Семиотика. Культура)
- Неклюдов 2004 – Неклюдов С.Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика: К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
- Неклюдов 2005 – Неклюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир: Сб. материалов научной конференции / сост. В.Е. Добровольская, Н.Е. Котельникова. Вып. 8. М.: ГРЦРФ, 2005. С. 22–41.
- Неклюдов 2006а – Неклюдов С.Ю. Литературно-фольклорные реконструкции и проблемы палеофольклора // Слово и мудрость Востока: Литература. Фольклор. Культура: К 60-летию акад. А.Б. Куделина / [отв. ред. Н.И. Никулин]. М.: Наука, 2006. С. 287–295.
- Неклюдов 2006б – Неклюдов С.Ю. Фольклор и его исследования: век двадцатый // Экология культуры. 2006. № 2. С. 121–127.
- Неклюдов 2011 – Неклюдов С.Ю. Мифологическая традиция и мифологические модели // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». 2011. № 9 (71). С. 11–33.
- Неклюдов 2013 – Неклюдов С.Ю. Культурная память в устной традиции: историческая глубина и технология передачи // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. науч. статей / сост. и отв. ред. Н.Е. Котельникова. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2013. С. 9–15.
- Неклюдов 2016 – Неклюдов С.Ю. Литература как традиция: Темы и вариации. М.: Индрик, 2016. 520 с.
- Неклюдов 2017 – Неклюдов С.Ю. Что такое палеофольклор? // Живая старина, 2017. № 2 (94). С. 2–5.
- Неклюдов 2020 – Неклюдов С.Ю. Обречен ли царевич? О сюжетной реконструкции фрагментарных памятников традиционной словесности // «Осколки» в традиции / сост. Е.Е. Левкиевская, Н.В. Петров, О.Б. Христофорова. М.: Неолит, 2020. С. 19–81. (Традиция – текст – фольклор: типология и семиотика)
- Неклюдов 2024 – Неклюдов С.Ю. Двадцать лет спустя... // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 3. С. 137–141.
- Панюков 2011 – Панюков А.В. Фольклорная традиция как самоорганизующаяся система: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Литературоведение и фольклористика». 2011. № 9 (71). С. 34–41.

- Панюков 2016 – *Панюков А.В.* Самосборка сюжета в фольклоре // Фольклористика Коми: Фольклорные жанры Европейского Северо-Востока России: динамика развития, трансформации, классическое наследие и современные формы / отв. ред. Ю.А. Крашенинникова. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2016. С. 114–136. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; вып. 74)
- Пропп 1928 – *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с. (Вопросы поэтики; вып. 12)
- Путилов 1971 – *Путилов Б.Н.* Сюжетная замкнутость и второй сюжетный план в славянском эпосе // Славянский и балканский фольклор / отв. ред. И.М. Шептунов. М.: Наука, 1971. С. 75–90.
- Путилов 1975 – *Путилов Б.Н.* Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В.Я. Проппа / сост. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 141–156. (Исследования по фольклору и мифологии Востока)
- Силантьев 1999 – *Силантьев И.В.* Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: очерк историографии. Новосибирск: ИДМИ, 1999. 104 с.
- Фольклорный мотив 2021 – Фольклорный мотив: инструмент анализа и объект изучения: Материалы Международного круглого стола (Москва, РГГУ, 23–24 апреля 2021 г.) / сост. О.Б. Христофорова, В.А. Черванева. М.: РГГУ, 2021. 32 с.
- Briggs, Bauman 1992 – *Briggs Ch.L., Bauman R.* Genre, intertextuality, and social power // *Journal of Linguistic Anthropology*. 1992. Vol. 2. No. 2. P. 131–172.
- Dundes 1962 – *Dundes A.* From etic to emic units in the structural study of folktales // *Journal of American Folklore*. 1962. Vol. 75. No. 296. P. 95–105.
- Dundes 1987 – *Dundes A.* Parsing through customs: Essays in psychoanalytic folklore. Madison: University of Wisconsin Press, 1987. 216 p.
- Noyes 2009 – *Noyes D.* Tradition: Three traditions // *Journal of Folklore Research*. 2009. Vol. 46. No. 3. P. 233–268.
- Noyes 2016 – *Noyes D.* Humble theory: Folklore's grasp on social life. Bloomington: Indiana University Press, 2016. 470 p.
- Olick 1999 – *Olick J.K.* Collective memory: The two cultures // *Sociological Theory*. 1999. Vol. 17. No. 3. P. 333–348.
- Olick et al. 2011 – *The collective memory reader* / ed. by J.K. Olick, V. Vinitzky-Seroussi, D. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2011. 497 p.
- Van Dijk, Kintsch 1983 – *Van Dijk T.A., Kintsch W.* Strategies of discourse comprehension. N.Y.: Academic Press, 1983. 414 p.

References

- Berezkin, Yu.E. (2007), *Mify zaselyayut Ameriku: Areal'noe raspredelenie fol'klornykh motivov i rannie migratsii v Novyi Svet* [Myths populate America: Areal distribution of folklore motifs and early migrations to the New World], OGI, Moscow, Russia.
- Berezkin, Yu.E. (2015), "Distribution of folklore motifs as information exchange, or where the West borders the East", *Antropologicheskii forum*, no. 26, pp. 153–182.
- Berezkin, Yu.E. (2019), "A motif's age and ways to determine it", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 2, no. 1, pp. 17–45.
- Berezkin, Yu.E. (2024), "Rolling stones: data review and dating of the image", *Antropologicheskii forum*, no. 61, pp. 106–140.
- Briggs, C.L. and Bauman, R. (1992), "Genre, intertextuality, and social power", *Journal of Linguistic Anthropology*, vol. 2, no. 2, pp. 131–172.
- Dundes, A. (1962), "From etic to emic units in the structural study of folktales", *Journal of American Folklore*, vol. 75, no. 296, pp. 95–105.
- Dundes, A. (1987), *Parsing through customs: Essays in psychoanalytic folklore*, University of Wisconsin Press, Madison, USA.
- Khristorova, O.B. and Chervaneva, V.A., comps. (2021), *Fol'klorny motiv: instrument analiza i ob"ekt izucheniya: materialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola (Moskva, RGGU, 23–24 aprelya 2021 g.)* [Folklore motif: instrument of analysis and object of study: materials of the International round table], RGGU, Moscow, Russia.
- Lévi-Strauss, C. (2001), *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology], EKSMO-Press, Moscow, Russia.
- Meletinskii, E.M. (1983), "Semantic organization of mythological narrative and the problem of creating a semiotic index of motifs and plots", in *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems], vol. 16, no. 635, pp. 115–125.
- Meletinskii, E.M. (1994), *O literaturnykh arkhetypakh* [On literary archetypes], RGGU, Moscow, Russia.
- Meletinsky, E.M., Neklyudov, S.Yu., Novik, E.S. and Segal, D.M. (2001), *Struktura volshebnoi skazki* [Structure of the fairy tale], RGGU, Moscow, Russia. (*Traditsiya – tekst – fol'klor: tipologiya i semiotika*)
- Neklyudov, S.Yu. (1977), "On the functional-semantic nature of the sign in narrative folklore", in Barabash, Yu.Ya., ed., *Semiotika i khudozhestvennoe tvorchestvo* [Semiotics and artistic creation], Nauka, Moscow, USSR, pp. 193–228.
- Neklyudov, S.Yu. (1984), "On some aspects of studying folklore motifs", in Putilov, B.N., ed., *Fol'klor i etnografiya: U etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov* [Folklore and ethnography: At the ethnographic sources of folklore plots and images], Nauka, Leningrad, USSR, pp. 221–229.

- Neklyudov, S.Yu. (1995), "After folklore", *Zhivaya starina*, vol. 1, pp. 2–4.
- Neklyudov, S.Yu. (1999), "Russian folkloristics and structural-semiotic research", in Kargin, A.S., ed., *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyyi mir: Sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Slavic traditional culture and the modern world: Proceedings of the Scientific and Practical Conference], iss. 3, GRTsRF, Moscow, Russia, pp. 54–62.
- Neklyudov, S.Yu. (2000), "Structure and function of myth", in Eimermacher, K., Bomsdorf, F. and Bordyukov, G., eds., *Mify i mifologiya v sovremennoi Rossii* [Myths and mythology in contemporary Russia], AIRO-XX, Moscow, Russia, pp. 17–38.
- Neklyudov, S.Yu. (2001), "Avant-text in folklore tradition", *Zhivaya starina*, vol. 4, pp. 2–4.
- Neklyudov, S.Yu. (2003), "Specificity of word and text in oral tradition", in Ivanov, Vyach.Vs., ed., *Evraziiskoe prostranstvo: Zvuk, slovo, obraz* [Eurasian space: Sound, word, image], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 108–119. (*Yazyk. Semiotika. Kul'tura*)
- Neklyudov, S.Yu. (2004), "Motif and text", in Tolstaya, S.M., ed., *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo (1923–1996)* [Language of culture: semantics and grammar. On the 80th anniversary of the birth of Academician Nikita Ilyich Tolstoy (1923–1996)], Indrik, Moscow, Russia, pp. 236–247.
- Neklyudov, S.Yu. (2005), "Semantics of folklore text and 'knowledge of tradition' ", in Dobrovolskaya, V.E. and Kotelnikova, N.E., comps., *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyyi mir: Sbornik materialov nauchnoi konferentsii* [Slavic traditional culture and the modern world. Proceedings of the conference], iss. 8, GRTsRF, Moscow, Russia, pp. 22–41.
- Neklyudov, S.Yu. (2006a), "Literary-folklore reconstructions and problems of paleofolklore", in [Nikulin, N.I., ed.], *Slovo i mudrost' Vostoka: Literatura. Fol'klor. Kul'tura: K 60-letiyu akademika A.B. Kudelina* [Word and wisdom of the East. Literature. Folklore. Culture. On the 60th anniversary of academician A.B. Kudelin], Nauka, Moscow, Russia, pp. 287–295.
- Neklyudov, S.Yu. (2006b), "Folklore and its research: twentieth century", *Ekologiya kul'tury*, no. 2, pp. 121–127.
- Neklyudov, S.Yu. (2011), "Mythological tradition and mythological models", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philology. Literature and Folklore Studies" Series*, vol. 71, no. 9, pp. 11–33.
- Neklyudov, S.Yu. (2013), "Cultural memory in oral tradition: historical depth and transmission technology", in Kotelnikova, N.E., ed., *Navstrechu Tre'temu Vserossiiskomu kongressu fol'kloristov: Sbornik nauchnykh statei* [Toward the Third All-Russian Congress of Folklorists. Collected articles], Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, Moscow, Russia, pp. 9–15.

- Neklyudov, S.Yu. (2016), *Literatura kak traditsiya: Temy i variatsii* [Literature as tradition. Themes and variations], Indrik, Moscow, Russia.
- Neklyudov, S.Yu. (2017), "What is paleofolklore?", *Zhivaya starina*, vol. 94, no. 2, pp. 2–5.
- Neklyudov, S.Yu. (2020), "Is the tsarevich doomed? On plot reconstruction of fragmentary monuments of traditional literature", in Levkievskaya, E.E., Petrov, N.V. and Khristoforova, O.B., comps., "*Oskolki*" v traditsii [Fragments in tradition], Neolit, Moscow, Russia, pp. 19–81. (*Traditsiya – tekst – fol'klor: tipologiya i semiotika*)
- Neklyudov, S.Yu. (2024), "Twenty years later...", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 3, pp. 137–141.
- Noyes, D. (2009), "Tradition: Three traditions", *Journal of Folklore Research*, vol. 46, no. 3, pp. 233–268.
- Noyes, D. (2016), *Humble theory: Folklore's grasp on social life*, Indiana University Press, Bloomington, USA.
- Olick, J.K. (1999), "Collective memory: The two cultures", *Sociological Theory*, vol. 17, no. 3, pp. 333–348.
- Olick, J.K., Vinitzky-Seroussi, V. and Levy, D., eds. (2011), *The collective memory reader*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Panyukov, A.V. (2011), "Folklore tradition as a self-organizing system (toward problem formulation)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philology. Literature and Folklore Studies" Series*, vol. 71, no. 9, pp. 34–41.
- Panyukov, A.V. (2016), "Self-assembly of plot in folklore", in Krasheninnikova, Yu.A., ed., *Fol'kloristika Komi: Fol'klornye zhanry Evropeiskogo Severo-Vostoka Rossii: dinamika razvitiya, transformatsii, klassicheskoe nasledie i sovremennyye formy* [Folklore of Komi: Folklore genres of European North-East Russia: dynamics of development, transformation, classical heritage and modern forms], Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN, Syktyvkar, Russia, pp. 114–136. (*Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN*; iss. 74)
- Propp, V.Ya. (1928), *Morfologiya skazki* [Morphology of the fairy tale], Academia, Leningrad, USSR. (*Voprosy poetiki*; iss. 12)
- Putilov, B.N. (1971), "Plot closure and the second plot layer in Slavic epic", in Sheptunov, I.M., ed., *Slavyanskii i balkanskii fol'klor* [Slavic and Balkan folklore], Nauka, Moscow, Russia, pp. 75–90.
- Putilov, B.N. (1975), "Motif as plot-forming element", in Meletinskii, E.M. and Neklyudov, S.Yu., comps., *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru: Sbornik statei pamyati V.Ya. Proppa* [Typological studies in folklore: Collected of papers in memory of V.Ya. Propp], Nauka, Moscow, Russia, pp. 141–156. (*Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka*)
- Silantieva, I.V. (1999), *Teoriya motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: ocherk istoriografii* [Theory of motif in Russian literary studies and folklore studies: historiography essay], IDMI, Novosibirsk, Russia.

Van Dijk, T.A. and Kintsch, W. (1983), *Strategies of discourse comprehension*, Academic Press, New York, USA.

Информация об авторе

Петров Н. Викторович, кандидат филологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 84;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; *petrov-nv@ranepa.ru*

ORCID ID: 0000-0002-2467-9535

Information about the author

Nikita V. Petrov, Cand. of Sci. (Philology), Presidential Academy, Moscow, Russia; 84, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; *petrov-nv@ranepa.ru*

ORCID ID: 0000-0002-2467-9535